
CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

ПАРСОНС Т. СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ. ГЛАВА 3. НЕКОТОРЫЕ ФАЗЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА В ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ. (Перевод с англ.)

PARSONS T. The structure of social action : a study in social theory with special reference to a group of recent European writers. – New York : The free press, 1949. – Ch. 3 : Some phases of the historical development of individualistic positivism in the theory of action. – P. 87–125*.

Ключевые слова: социальное действие; социальный порядок; Гоббсова проблема; нормативный порядок; фактический порядок; утилитаризм; позитивизм; радикальный позитивизм.

Для цитирования: Парсонс Т. Структура социального действия. Глава 3. Некоторые фазы исторического развития индивидуалистического позитивизма в теории действия / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 189–211.

Перевод поступил: 21.01.2023.

Принят к публикации: 20.02.2023.

Keywords: social action; social order; Hobbesian problem; normative order; factual order; utilitarianism; positivism; radical positivism.

For citation: Parsons T. The structure of social action. Chapter 3. Some phases of the historical development of individualistic positivism in the theory

---

* Окончание. Начало см. в предыдущем номере журнала.

of action. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitar-nye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 189–211.

Received: 21.01.2023.

Accepted: 20.02.2023.

Маркс и классовый антагонизм

Помимо объяснения спонтанного порождения брака и собственности, популяционное давление имело для Мальтуса и третье последствие, которое открыло новые перспективы мышления, закрытые для строго утилитарного мышления локковского образца. А именно, оно вело к «разделению общества на классы работодателей и работников». Причиной этого является давление на эффективность в производстве. У Локка преимущества обмена в рамках гражданского общества приносили, так сказать, каравай человеческого существования; у Мальтуса, в свою очередь, это был черный хлеб суровой необходимости. Если Локк мыслил в терминах обмена между независимыми индивидами, то у Мальтуса эффективность требовала привлечения капитала и организованных производственных единиц, что было невозможно, пока одни не трудились под управлением других.

Если не трогать вопрос о склонности к оправданию существующей классовой ситуации, что подразумевало это воззрение? Оно подразумевало, что базовая дисгармония между численностью населения и ограниченностью жизненных средств ведет к производной от нее дисгармонии внутри самого общества – дисгармонии между интересами классов. Дальнейшие следствия этого вели далеко и внесли в структуру экономического мышления новую порцию взрывного материала. Рикардо, приняв закон Мальтуса, продвинул эти следствия весьма значительно. Понятое в рамках логических требований рикардовской теории распределения богатства, мальтузианство оказало важную двойную услугу. С одной стороны, развитие концепции скупости природы привело к концепции «падения прибыли», т.е. к логической основе рикардовской теории ренты, решавшей теоретическую проблему, поднятую полным присвоением даров природы. С другой стороны,

теорема, что есть постоянная цена предложения труда, выводимая из закона народонаселения, дала возможность провести в предельном продукте теоретически трудное разграничение между долями труда и капитала при помощи знаменитого железного закона заработной платы. Но двойная дисгармония, введенная тем самым в экономическую систему, – между интересами эксплуататоров скупой природы, землевладельцев и всех прочих, с одной стороны, и между работодателями и работниками – с другой, слишком обременяла концепцию исправно работающего и автоматически самонастраивающегося механизма конкуренции. Дисгармонию между этими элементами и локковскими по сути допущениями теории стоимости Рикардо тонко проанализировал Галеви¹.

В то же время некоторые особенности классической системы мешали по крайней мере последней из этих двух дисгармоний раскрыться до конца во всех своих теоретических последствиях. В особенности это касалось того, как классические экономисты понимали капиталистического работодателя. Он не казался, прежде всего, торгующимся за трудовые услуги. Условия продажи этих услуг, в сущности, уже были реально заданы мальтусовской ситуацией. Его роль была в том, чтобы «идти навстречу труду», и эта точка зрения вылилась в теорию фонда заработной платы² с ее фаталистическими подраствованиями. В этом отношении, хотя все еще в значительной мере на классической основе, Марксу оставалось лишь сделать выводы. Для него факт организованной производственной единицы означал непреложность классового конфликта, ибо непосредственные интересы двух классов были полностью противоположными.

Как только основополагающей отправной точке был дан такой поворот, важные элементы этой особой классической теории стали играть на руку Марксу³. Это проистекало главным образом

---

¹ Halévy É. La formation du radicalisme philosophique : en 3 t. – Paris : Félix Alcan, 1901–1904. – Vol. 3, Chap. I.

² О теории фонда заработной платы и ее истории см.: *Taussig F.W. Wages and capital : an examination of the wages-fund doctrine.* – New York : D. Appleton & Co., 1896.

³ Наиболее ясное обсуждение этой стороны Маркса я нашел в книге: *Lindsay A.D. Karl Marx's Capital : an introductory essay.* – London : Oxford university press, 1925. В описании общего фона Линдсей, как он сам полностью признает, во многом опирается на Галеви.

из понимания роли труда в производстве, так как эта теория, в сущности, уходила корнями в концепцию естественного состояния. Согласно классической теории, в пределе только труд был реально производительным фактором, тогда как капитал просто «привлекал работников к работе». Это оставляло долю капиталистического предпринимателя в предельном продукте остаточной долей. Даже Милль, «верховный жрец либерализма», говорил: «Причиной прибыли является то, что труд производит больше, чем требуется для содержания выполнивших его работников»¹. Неудивительно, что это должно было превратиться в теорию эксплуатации, что процент и прибыль будут истолкованы как вычет из «подлинной цены» труда.

Непреодолимое значение Марксовой теории эксплуатации для нашего обсуждения кроется, однако, не в этих технических деталях, которые сегодня представляют по большей части лишь антикварный интерес. Скорее, оно в том, что, оттолкнувшись от элемента классового конфликта, Маркс вовлек в центр внимания рыночную власть. Таким образом, взяв этот частный случай, он снова ввел в социальное мышление фактор властных различий, крайне важный в философии Гоббса и с тех пор подзабытый. Особые классические ловушки этой теории имеют второстепенное значение, и их корректировка в терминах современной экономической теории не меняет существа дела, хотя меняет форму утверждения² и некоторые второстепенные результаты³.

---

¹ Mill J.S. Principles of political economy / ed. by W.J. Ashley. – London : Longmans, Green and Co., 1909. – P. 416. (Рус. пер.: Милль Дж.С. Основы политической экономики : пер. с англ. / общ. ред. А.Г. Милейковского. – Москва : Прогресс, 1980. – Т. 2 – С. 143).

² См. обсуждение Маркса у Парето: Pareto V. Les systèmes socialistes. – Paris : V. Giard & E. Brière, 1903. – Vol. 2I, Chap. 15. (Рус. пер.: Парето В. Социалистические системы / пер. с фр. А.А. Зотова. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2019.) Отвергая экономическую теорию Маркса с технической стороны, автор с похвалой отзывается о его внимании к классовой борьбе; последняя у Парето, однако, фактор скорее социологический, а не экономический.

³ Ошибка многих современных экономистов, полностью отвергающих Маркса, состоит в том, что они (правомерно) критикуют отжившие формы марксовой экономики, не возвращаясь к реально центральному положению, на котором держались самые важные отходы Маркса от основного тренда классической экономической мысли. Так им удается «выплеснуть ребенка вместе с водой». Это

Марксова трактовка рыночной власти между тем не является просто возрождением гоббсовской борьбы за власть. Она выводит на передний план элемент, упущенный из виду в конфликте между позициями Гоббса и Локка, ибо этот конфликт предусматривал жесткую альтернативу между состоянием войны и полностью свободным от принуждения гармоничным порядком. Но действительное общество – ни то, ни другое. Даже если институциональный каркас достаточно крепок, чтобы удерживать на незначительном уровне роль силы, за исключением некоторых особых кризисных времен, и удерживать в каких-то границах обман, он все же оставляет открытой возможность ряда других, более мягких форм принуждения. Случай «легальной» реализации доминирующей стратегической позиции в процессе торга как раз такой. А это все, что нужно для основных марксистских теоретических целей, даже если многие марксисты склонны видеть в актах правления просто процесс силового и обманного угнетения трудящихся классов. В институциональных условиях этот элемент может быть очень важным, хотя, возможно, и не столь преобладающим, как это представлено у Маркса.

Повторное введение Марксом фактора власти в этой форме несло с собой подразумевание нестабильности, в которую вошла экономическая система. Но эта нестабильность не была хаотичной, как в теории Гоббса, а была результатом властных отношений в определенной институциональной рамке, предполагающей определенную социальную организацию – а именно, капиталистическое предпринимательство, – что позволяло ей стать основой для теории конкретного динамического процесса, развития капитализма. До этой точки Маркса можно считать понятным в рамках логической структуры английской утилитарной мысли, хотя, как было показано, несколько иначе, чем в случае большинства других утилитаристов. Здесь он, однако, увязал свой анализ с теорией «диалектического» развития, имеющей по большей части гегелевское происхождение. Тем самым Маркс создает важный мост между позитивистской и идеалистической традициями мышления.

обусловлено, в сущности, тем, что в основном они разделяют имплицитное допущение естественного тождества интересов. Яркий тому пример – книга М.М. Бобера «Толкование истории Карла Маркса» (*Bober M.M. Karl Marx's interpretation of history.* – Cambridge (MA) : Harvard university press, 1927).

Поэтому дальнейшее обсуждение Маркса будет отложено, пока не будет рассмотрена его связь с идеализмом¹. Он один из важнейших предшественников группы авторов, включающей, в особенности, Макса Вебера, которую мы разберем под рубрикой идеализма. Сказано между тем достаточно, чтобы показать, что исторический материализм Маркса – это не научный материализм в обычном смысле, а скорее, в основе своей, версия утилитарного индивидуализма. При этом она отличается от основного течения последнего именно присутствием «исторического» элемента, который мы обсудим позже, когда снова вернемся к Марксу.

Дарвинизм

Все это время мы отстаивали тезис, что версия утилитарной мысли, доминирующая в наследии Локка, была в отношении строго научных ее элементов внутренне нестабильной, что некоторая доля стабильности в ней проистекала из приверженности метафизическому постулату естественного тождества интересов. Чтобы, оставаясь в позитивистской рамке, привести этот постулат хотя бы к какой-то степени *логически* (если не эмпирически) удовлетворительной обоснованности, необходимо было совершить переход к радикально-рационалистическому позитивизму, со всеми последствиями, против которых Мальтус столь упорно возражал в своей атаке на Годвина. Но в этой же самой атаке Мальтус, в итоге, отменил эту подпорку, что имело далеко идущие последствия, часть которых мы только что рассмотрели. Остается, однако, разобраться, в какую сторону это вело не с точки зрения только что затронутых частных проблем, а в плане развития общей системы социальной теории.

Не может быть сомнений, что основная тенденция мальтузианской линии размышлений состояла в противопоставлении рационалистическому позитивизму Годвина другой альтернативы радикально-позитивистской системы, которую можно назвать позитивистским антиинтеллектуализмом. В частности, с Мальтуса удобно отсчитывать движение, истолковывающее человеческое

---

¹ См. главу 13.

действие преимущественно в биологических терминах, – движение, неуклонно набравшее силу на протяжении почти всего XIX в.

Прежде всего, для самого Мальтуса источник всех проблем кроется в том, что было по существу биологической гипотезой, – в «тенденции народонаселения к росту». Нельзя не приписать эту могущественную силу главным образом наследственности. Это – выражение врожденного инстинкта, черпающее свою значимость из самой трудности контроля над ним, хотя Мальтус и утверждал, что при некоторых условиях его может удерживать под контролем «нравственное обуздание». Схожим образом и другой элемент мальтузианской проблемы – ограниченность жизненных средств – заложен в некоторых предельных свойствах нечеловеческой среды. С обеих сторон, насколько закон народонаселения детерминирует социальные условия, это, в конечном счете, эффект условий действия, а не человеческих целей или какого-то другого нормативного элемента. Но коль скоро это так, диапазон вариации, открытый для человеческого воления, сужается, и мы подходим к пределу радикально-позитивистской теории. Сам Мальтус его не достиг; он оставался слишком хорошим утилитаристом. Но отчасти под его влиянием эта тенденция достигла пика в одном из великих движений мысли XIX в. – дарвинизме, который, развившись в завершённую систему и будучи приложенным к человеческому действию в обществе, дал жизнь важнейшей радикально-антиинтеллектуалистской позитивистской системе из когда-либо провозглашавшихся.

Основная черта ситуации у Мальтуса – это, конечно, полагаемый факт репродуктивных способностей вида, намного превышающих возможности его жизнеобеспечения в условиях среды. Логически с этой ситуацией можно справиться одним из двух способов, на что указывает проводимое Мальтусом различие между позитивным и превентивным контролем. Превентивный контроль – «нравственное обуздание» – указывает на утилитарный элемент в мышлении Мальтуса. С биологической стороны, которой занимался Дарвин, он с необходимостью отпадает, и избыток должен устраняться позитивным контролем. Дарвиновское название этого процесса – «естественный отбор».

Дарвин отличен от Мальтуса применением ко всем видам организмов того, что последний прикладывал только к человеку.

Но он отличен и в еще одном важном отношении. Мальтус интересовала исключительно проблема численности; некоторая численность населения могла обеспечить себе адекватное пропитание, если бы ее избыток был каким-то образом устранен или, конечно, если бы не допустили его рождения. Но Дарвин начал уделять внимание проблеме того, кто из тех, кто уже есть в наличии, устраняется, а кто выживает. Это неизбежно предполагало качественную разницу между индивидами в популяции. Но как только дана эта качественная разница, которой Мальтус не затрагивал, процесс становится уже не просто процессом устранения, а процессом отбора.

Есть еще один элемент, нужный для довершения картины и закрытия системы. Это ответ на вопрос: откуда берутся качественные различия между индивидуальными организмами? В дарвиновской теории его дает постулат случайной изменчивости. В наследственности заключен постоянный процесс случайной изменчивости относительно предшествующего унаследованного типа. Из этих вариаций одни в борьбе за существование устраняются, другие выживают и воспроизводят свой вид. Но те, которые выживают, – не что-то «среднее»; это отобранная группа, так что в процессе видоизменяется сам модальный тип. Именно в силу сочетания изменчивости и отбора концепция статического приспособления к фиксированным факторам, характерная для Мальтуса и других утилитаристов, уступает место эволюционной теории.

Но это – сущностно позитивистский эволюционизм. Ибо какие элементы придают направленность этому процессу? Конечно, условия среды. Именно адаптация к этим условиям конституирует ту приспособленность, которой объясняются отбор и репродукция. Правда, одна только среда не могла бы произвести эволюцию; но другой элемент – случайный по типу, и он играет роль, логически аналогичную той, которую в утилитарной системе играют случайные цели. Таким образом, детерминирующим, задающим направление элементом является только среда.

В той мере, в какой эта «биологизаторская» тенденция, фактически принявшая прежде всего дарвиновскую форму, приобретала господствующее положение, как раз и происходил отказ от утилитарной позиции в пользу радикально-антиинтеллектуалистского позитивизма. Поскольку решающими являются условия сре-

ды, то не имеет значения, какие цели, как людям может казаться, они преследуют; фактически ход истории определяется безличным процессом, над которым они не имеют никакого контроля. Следует заметить, что в этом сдвиге субъективная категория целей исчезает, а вместе с ней и норма рациональности. Дарвиновская изменчивость образует полностью объективный элемент, не требующий для своей теоретической формулировки никаких субъективных отсылок. Даже если бы рациональное действие могло эмпирически иметь место как один из способов адаптации к среде, суть в том, что оно совершенно выпадает из общего каркаса теоретической системы и становится контингентным феноменом, несущественным фактом в строгом смысле слова.

Вместе с этим исчезновением нормативных аспектов утилитарной системы, т.е. целей и рациональности, наступает еще одно в высшей степени важное последствие: проблема порядка в том смысле, в каком она нами выше обсуждалась, улетучивается¹. Без нормативных элементов действия порядок в нормативном смысле становится бессмысленным. Единственный порядок, интересующий ученого, изучающего человеческое действие, – это порядок фактический, как с субъективной, так и с объективной точки зрения. И тут, по иронии судьбы, обнаруживается, что порядком, доминирующим в этом фактическом мире, оказывается именно то, что играло в утилитарной мысли роль антитезы социального порядка, – «состояние войны». Оно сменило имя и стало «борьбой за существование», но во всех существенных чертах это все то же гоббсово естественное состояние, раскрывающееся через выражение «клюв и клык всегда в крови»². Но этот факт с тех пор редко замечается: теоретическая точка зрения существенно изменилась, старая проблема ушла. В лучшем случае интерес к нему возникает, как, например, у Гексли, только с этической, но не с научной точки зрения. Несомненно верно, что концепция конкурентного порядка, созданная экономистами, стала своего рода моделью для биологической теории отбора³. В ней тоже «неприспособленные»,

---

¹ Она «решается» путем признания ее бессмысленной.

² Широко известная и цитируемая фраза из поэмы А. Теннисона «In Memoriam» (1850). Приводится в переводе А.И. Гастева. – *Прим. пер.*

³ «Принцип выживания наиболее приспособленного можно было рассматривать как широкое обобщение рикардианской экономической теории». *Keynes J.M.*

неэффективные, дорогостоящие производители устранялись или подлежали устранению, пусть только с рынка, а не из жизни! Но не надо забывать, что приложение этой модели к целям биологической теории содержало в себе глубокое изменение ее смысла. Ибо одно из важнейших прозрений Мальтуса состояло в том, что конкуренция может быть благотворной и устранять тех, кто непригоден с точки зрения социального интереса, только при некоторых специфических условиях, а именно предполагающих нормативный порядок. Но условия борьбы за существование вообще не содержали такого элемента порядка. Они были именно теми условиями анархии, которых Мальтус и его соратники-экономисты боялись.

Таким образом, «социал-дарвинизм», как можно вслед за Парето назвать эмпиристское применение дарвиновской биологии к человеческому действию, играет очень важную роль в аналитической классификации теоретических систем в поле человеческого действия. Он или какая-то другая теория, находящая конечные объяснительные принципы в объективном ненормативном влиянии условий действия, – обычно наследственности и среды – образуют логический итог процесса разрушения нестабильной утилитарной системы, пока он остается внутри позитивистского каркаса и в то же время уклоняется от «рационалистической» схемы. Следовательно, по поводу любого автора всегда будет смысл спросить, какова его позиция, имплицитная или явная, по отношению к этой возможности решения его теоретических проблем и логического закрытия его теоретической системы. Если он отвергает это решение, то для него, поскольку он отходит от утилитаризма, остаются открытыми только две другие позиции: либо он рационалист, в прописанном выше особом смысле, и, следовательно, берет другую версию радикально-позитивистской позиции, либо он отбрасывает позитивистскую систему координат вообще.

Хотя на дарвиновское движение, несомненно, по-разному влияли бывшие тогда в ходу в социальной мысли концепции, как мальтусовская, так и другие, в первую очередь оно было результатом биологического изучения нечеловеческих организмов. Его

The end of laissez faire. New Republic ed. P. 17 (цитата приводится в пер. Е.В. Виноградовой по: Кейнс Дж.М. Конец laissez-faire // Истоки. Вып. 3. – Москва : ГУ–ВШЭ, 2001. – С. 264).

влияние на социальную мысль было отчасти обусловлено его общим господством над просвещенными умами на исходе XIX в., а также тем, насколько точно в применении к вещам человеческим оно вписалось в логические нужды теорий, которые мы здесь рассматриваем. Но как социальная теория – это кривой путь, главным образом заимствование из биологии. Теперь можно коротко показать три других пути, которыми, по большей части, хотя и не только, анализ самого человеческого действия вел к радикально-позитивистской позиции – либо в антиинтеллектуалистской ее форме, либо в рационалистической, либо в сочетающей первые две.

Другие пути к радикальному позитивизму

Одна из примечательных характеристик дарвиновского движения в его приложении к социальным проблемам – это полный отказ от субъективного ради объективной точки зрения. Он неявно содержится в замене утилитарной категории случайных желаний или целей категорией случайных вариаций. Это объективно наблюдаемые вариации, и данное понятие не несет в себе никаких субъективных референций. Такой же объективизм можно заметить в первом из вышеупомянутых путей – через некоторые школы психологии. Вместо того чтобы приписывать напрямую общебиологическим факторам, единообразию человеческого поведения могут атрибутировать определенным чертам человеческого индивида – тенденциям поведения организма в целом. Поскольку субъективная референция исключена, они должны, как мы уже видели, быть полностью аналитически сводимыми к некоторой комбинации несубъективных факторов, обычно к наследственности и среде, как они были строго определены в главе 2.

Именно по вопросу относительного преобладания той или другой из двух возникает разница мнений. Одна из альтернатив делает основной упор на наследственные тенденции поведения; ее можно назвать теорией «инстинкта». Она не является, однако, конечным решением, так как дальше естественно возникает вопрос о том, каково происхождение этих особых инстинктивных тенденций, почему люди имеют эти тенденции, а не другие. В терминах факторов наследственности и среды ответ, в конечном счете, неизбежно оказывается какой-то формой понятия ценности для выжи-

вания. В целом это будет предполагать процесс естественного отбора. Конечная основа теории инстинкта, следовательно, становится биологической, и она ведет к тому же результату, что и более косвенным путем – социал-дарвинизм.

Другая альтернатива делает упор на среду. Хотя здесь, естественно, мыслимы разные версии; самым влиятельным движением стал бихевиоризм. Он, что весьма любопытно, ответвление того же интеллектуального древа, что и дарвинизм, причем настолько, что его запросто можно было бы назвать дарвинизмом индивидуального поведения. Дарвиновскую биологию, в конце концов, интересовали в основном изменения в наследственном характере вида. Бихевиоризм, со своей стороны, постулировал в качестве источника индивидуальных черт множество случайных движений. Следует считать, что они случайным образом варьируют относительно наследственных тенденций действия, которые в случае бихевиоризма свелись бы к небольшому числу подлинно безусловных рефлексов. Эти случайные движения подчиняются процессу средового обусловливания, благодаря которому некоторые из них, отвечая функциональным потребностям организма в адаптации к среде¹, закрепляются обусловливанием и становятся условными рефлексами, а другие, не отвечая таким потребностям, устраняются. Ясно, что случайные движения в бихевиоризме напрямую соответствуют случайным изменениям в дарвинизме, а процесс обусловливания – просто еще одна форма процесса естественного отбора.

Но при этом в остатке остаются еще исходные наследственные черты, или «доминантные рефлексы», и объяснение их, в свою очередь, будет естественно принимать форму биологической теории естественного отбора. Таким образом, бихевиоризм тоже заканчивается по существу тем же, чем и социал-дарвинизм². Фактически, разница между ним и его злейшим врагом, психологией

---

¹ Поскольку изучаемой в данном случае средой является конкретная социальная среда, то ясно, что бихевиористская позиция, понимаемая как общая теория человеческого действия, предполагает порочный круг рассуждения, разорванный в главе 2.

² Естественно, в большей части бихевиористской литературы реально изучаемый индивид – это конкретный индивид в социальной среде. Эти радикальные биологистские последствия проявляют себя только при попытке распространить данную схему на общий факторный анализ человеческого поведения.

инстинктов, с представленной нами точки зрения совершенно вторична: это только разница в сравнительных акцентах, соответственно на среде и наследственности. Вдобавок к тому, бихевиоризм по своему особому типу анализа более тесно связан со специфически дарвиновскими способами мышления. Но самое важное то, что обе эти позиции, в конце концов, сводят истолкование человеческого поведения к терминам теории биологического отбора.

Эти две альтернативы можно рассматривать как основные формы позитивистского антиинтеллектуализма. Как отмечалось в главе 2, позитивистская социальная мысль подходила к субъективному аспекту действия в терминах роли научного знания, т.е. стандартом был *когнитивный* аспект субъективного. Это обстоятельство вынуждало к реакции против рационализма, пока он сохранялся внутри позитивистской рамки, и вело в сторону обращения к факторам наследственности и среды¹. Следовательно, социал-дарвинизм можно считать логическим итогом выстроенного на позитивистской основе антиинтеллектуалистского движения.

Бихевиоризм в связи с этим особенно важен. Он не только насквозь пропитан общей тенденцией редукции факторов человеческого поведения к биологическим терминам, но идет еще дальше. Эта редукция естественным образом разделяется с аналитической необходимостью субъективного подхода, поскольку не может обнаружить ничего, что нельзя было бы свести к общим терминам, применимым ко всем биологическим организмам; она делает субъективное «эпифеноменом». Бихевиоризм в своей методологии выводит радикальное следствие: субъективный подход является не только излишним, но и незаконным; он противоречит канонам «объективной» науки². Таким образом, содержательная научная теория интегрируется с методологической доктриной, стремящейся сделать ее результаты не только эмпирически корректными, но и методологически неизбежными; ведь если всякая референция к субъективным категориям исключается с самого на-

---

¹ Здесь нет необходимости повторять основания для этого утверждения. См. выше главу 2.

² В специфически бихевиористском смысле, реально ограничивающем данные собственно науки фактами, которые можно установить в терминах концептуальных схем химии и физики. Все другие элиминируются: им просто отказывают в статусе фактов.

чала, то объективизм становится закрытой системой¹. С этой методологической стороны бихевиоризм дает нам предельный тип, такой же, какой дает нам социал-дарвинизм в содержательном контексте. В конечном счете, бихевиористский объективизм – единственная позиция для радикально последовательного позитивиста.

Только что рассмотренные движения, хотя и не исключают радикально, кроме бихевиоризма, субъективную точку зрения, в целом облечены для аналитических целей в объективистские термины. Нам остается проследить основные движения, в которых импликации позитивистской позиции были проработаны в эксплицитно субъективных терминах. Здесь можно считать релевантными два из них. Первое, исторически находившееся в теснейшей связи с экономическим аспектом утилитарной мысли, – это гедонизм. Как и большинство рассмотренных здесь теорий, теория гедонизма выросла под покровительством эмпиристской методологии. Отсюда неудивительно, что в таких конкретных сущностях, как «удовольствие» и «счастье», высветились позже двусмысленности, на основе которых гедонистическая мысль потом распалась на отдельные школы. Здесь нам нужно обсудить только одну из них.

Общий логический контекст, в котором выросло учение о том, что люди движимы в первую очередь стремлением к удовольствию и избеганию страданий, нетрудно понять. Во-первых, наука редко соглашается остановиться на постулировании некоторых конечных данных. Неизбежно, прежде всего в эмпиристской атмосфере, должен был возникнуть вопрос о конечных мотивациях поведения, т.е. следовало не просто исходить из того, что у людей есть некоторые желания, но и должна была быть предпринята попытка понять, почему они у них есть. Это происходит прежде всего при осознании того, что в рамках условий среды доступны качественные выборы между возможностями действия.

Во-вторых, сосредоточение утилитарного мышления на экономической стороне жизни указывало, в каком направлении можно искать решение этой проблемы. Ибо механизм конкурентных рыночных связей, казалось, сводил человеческую мотивацию к общему знаменателю: все люди, похоже, следовали единому направлению поведения – продвижению собственных экономических

---

¹ Закрытой как логически, так и эмпирически.

ких «интересов». Отсюда возникал вопрос о том, что лежит в основе этой общей экономической мотивации. В чем суть этого общего элемента? Проблема эта, заметим, ставилась в терминах схемы «средства–цели»: какова «цель» индивидуального действия?

В этом контексте, следовательно, было естественно заметить две вещи: во-первых, что есть разница между вещами, к которым люди стремятся, и вещами, которых они избегают; во-вторых, что успех в достижении первых обычно сопровождается позитивными чувствами, а столкновение против воли с тем, чего хотелось избежать, – наоборот, негативными. Если эти две тональности чувств назвать, соответственно, удовольствием и страданием, то мы получим общую рамку гедонистической теории.

Далее встает вопрос о статусе этих элементов в объяснении действия. Одно из возможных объяснений – то самое, которое нас здесь интересует, т.е. подлинный «психологический гедонизм». Так можно обозначить воззрение, согласно которому объяснением направления, принимаемого рациональным действием, будет тот *факт*, что в человеческой природе одни акты создают для актора удовольствие, а другие – страдание. Является ли связка между определенным актом и удовольствием или страданием наследственной или обусловленной прошлым опытом индивида, для актора она *факт*, с которым он должен считаться; это не его *деяние*, по крайней мере в данном контексте. Тогда выполнение некоторых актов становится, по существу, необходимым средством для получения удовольствия или избежания страдания.

Так, без разрушения рационалистической схемы, неопределенность чисто утилитарной позиции устраняется. Исходя из природы человека, элемента случайных желаний больше нет. Почему он стремится к данной конкретной цели, становится известно; это средство получить удовольствие или избежать страдания. В нашей терминологии, это переход от утилитарной к радикально-позитивистской позиции путем сведения целей как фактора действия к «условиям». Почему люди действуют так, как они действуют, объясняется, по существу, человеческой природой.

Подобно антиинтеллектуалистским психологиям, это тоже не является окончательной позицией. Ведь остается проблема, почему удовольствие присоединяется к одним особым формам действия, а страдание – к другим. Правда, это может быть принято как

набор конечных данных, но, видимо, нет весомых причин это делать. Естественным ходом будет проследить проблему на один шаг вперед. Средства для этого у нас уже есть. Базовый принцип понимания человеческой природы (как и природы всякого организма) – принцип адаптации к среде. Так, объяснением частных случаев удовольствия и боли является то, что приносящие удовольствие акты – это акты, идущие на пользу выживанию вида, а акты, приносящие страдание, не способствуют ему. Таким образом, теперь еще и третьим путем аргументация возвращает нас к социал-дарвинизму¹.

Другое направление, в котором развивался классический утилитарный гедонизм, можно опустить, пока не показан последний путь, которым можно прийти к положению, что конечное объяснение человеческого действия кроется в условиях его среды. Это путь, уже коротко очерченный в связи с Годвином.

Поиск истоков этой линии мысли возвращает к влиянию нормативной концепции закона природы, «который есть разум». Превращение разума в закон *человеческой* природы предполагает, как уже отмечалось, понимание его как правителя страстей, а не их слуги. Это означает, если привести это к используемым здесь терминам, что он является уже не просто способностью к изобретению путей и средств реализации целей, а становится инстанцией определения самих целей.

Итак, пока концепция природы остается эксплицитно нормативной, смысл, в котором функцией разума является адаптация к природе, остается за пределами внимания. Несущая основа здесь является, в позитивистских терминах, метафизическим элементом, находящимся вне сферы науки и для нее непостижимым. Вместе с тем была сильная тенденция к отождествлению природы, в этом смысле, с факторами, входящими в причинное объяснение эмпирических явлений. Нормативная и объяснительная версии закона природы тяготели к слиянию. Это было даже неизбежно, поскольку разум понимался в позитивистском духе, как «способность, явленная в позитивной науке». Тогда реальностью, к которой наш

---

¹ Гедонизм, таким образом, является комбинацией двух логически возможных полярных типов: рационалистического, поскольку пользуется схемой «средства–цели», и антиинтеллектуалистского в теории человеческой природы, объясняющей ее особый способ функционирования.

разум нас адаптирует, должна быть реальность «фактов» нашего эмпирического внешнего мира.

Отсюда далее выросла концепция прямой рациональной адаптации к конечным условиям действия путем определения целей в согласии с этими условиями. Эта тенденция мысли очень заметно выражена в «левом» крыле индивидуалистического позитивизма, у французских рационалистов, у Годвина и Оуэна, а также у утопических социалистов. Конкуренция с этой точки зрения была нерелевантна, поскольку каждый индивид адаптировал свое действие непосредственно к конечным условиям, и ни в каких подобных опосредованиях его приспособление не нуждалось. У конкуренции не было функции в этой социальной схеме. Поэтому упор в этой группе делался на процессы спонтанной кооперации индивидов; при этом проявлялся мощный анархистский или социалистический тренд, в зависимости от того, делался ли основной акцент на преимуществах свободы или кооперации.

Итак, мы видим крайнее радикальное решение поднятой Гоббсом проблемы порядка, полученное путем отрицания самого существования этой проблемы. Но этот взгляд, пока он был подлинно позитивистским, реально отличался от других, обсуждавшихся в структуре его понятийной схемы, только своим пониманием природы процесса детерминации действия: в этом решении проблемы адаптация происходит напрямую, через рациональное постижение фактов; в антиинтеллектуалистском решении – косвенно, через отбор. Но в обоих случаях конечный результат – конечные определяющие факторы – одинаков: адаптация к условиям осуществляется, в конечном счете, через влияние самих этих условий. В действительности даже разница процесса при внимательном анализе исчезает, ведь если «условия» в итоге составляют единственные детерминанты действия, то субъективный аспект становится просто отражением этих «фактов»; он сугубо эпифеноменален¹. Таким образом, все позитивистские реки впадают, в

---

¹ Единственное отличие от дарвинизма – устранение необходимости отбора. Основой становится ламарковская биология с ее доктриной наследования приобретенных характеристик. Ламарка и в самом деле тесно связывали с этой рационалистической тенденцией мысли, в то время как Дарвина – с позитивистским антиинтеллектуализмом.

конце концов, в одно и то же море, и это море механистического детерминизма.

Полезность

Но вернемся к гедонизму. Форма, рассмотренная выше, была названа подлинным психологическим гедонизмом. То есть, удовольствие считается истинной причиной рационального действия в такой форме, что становится реальной целью действия, тогда как видимое разнообразие конкретных целей оборачивается ни чем иным, как множеством средств для этой единственной цели, всего лишь отражающим разнообразие нашей наследуемой природы и эмпирического мира, в котором мы живем.

С другой стороны, при той же отправной точке возможна и другая интерпретация значимости удовольствия – как связанного с достижением действительно преследуемых целей. То есть, удовольствие можно считать не реальной целью, а показателем степени достижения нашей реальной цели, неважно какой. Вместо того чтобы делать его психологическим и, возможно, в конечном счете физиологическим фактором действия, эта интерпретация сделала бы его проявлением – в сфере чувств – некоторого процесса, *объяснение* которого надо искать в рамках других категорий. Эта тенденция мысли появилась в самосознании совсем недавно, в форме современного экономического понятия полезности.

В этих терминах возможно сказать, что всякое экономическое действие движимо целью максимизации полезности. Но это в конце концов означает, что элемент порядка в экономических связях нужно искать только на уровне средств. Это положение – всего лишь следствие (или один из способов формулировки) постулата экономической рациональности. Иначе говоря, *непосредственной* целью всякой экономической деятельности, поскольку она является экономической, служит приобретение контроля над средствами удовлетворения нужд. Именно в силу своей конвертируемости как средств для удовлетворения альтернативных целей, блага и услуги могут трактоваться в терминах этого общего знаменателя, полезности. Чем более применим к вещи этот общий характер, тем больше она будет чисто экономической. Поэтому экономическим средством *par excellence*, воплощением чистой полезности является-

ся «общая покупательная способность» – средство, которое применимо для удовлетворения всех и любых нужд, насколько они могут быть связаны с экономическим контекстом.

В своей строго утилитарной форме полезность, тем самым, становится общей мерой успеха рационального действия, т.е. распоряжения средствами для удовлетворения случайных нужд. Но конечным субъективным *фактором* действия все еще остаются нужды, а не полезность. Эта позиция получает логически ясную разработку благодаря очищению понятия полезности от ассоциации с психологическим гедонизмом; процесс этот был чрезвычайно мучительным. Эта мучительность неувидительна, ибо в утилитарной версии позитивистской социальной мысли присутствует базовая нестабильность. Следовательно, пока эта позиция остается подлинно позитивистской, переход к радикальному позитивизму неизбежен. Для экономиста психологический гедонизм был, естественно, простейшим путем осуществить этот переход. Таким образом, в *позитивистском* контексте есть немалая доля истины в упреке «институционалистов»¹, что ортодоксальная экономическая теория логически связана с гедонизмом. Ведь, по крайней мере, в том, что касается конкуренции, радикальное рационалистическое решение неприемлемо, поскольку делает конкуренцию излишней, в то время как позитивистский антиинтеллектуализм подрывает постулат экономической рациональности, и с еще более серьезными последствиями. Теория экономической мотивации, построенная на понятии полезности, верна, и это не гедонистическая теория. Но это предполагает радикальную ревизию всей позитивистской системы координат, в которой выросла ортодоксальная экономическая теория. Характер этой ревизии составит одну из центральных тем при рассмотрении первых двух объектов нашего пристального анализа, Маршалла и Парето.

---

¹ См.: *Mitchell W.C.* Human behavior and economics : a survey of recent literature // *Quarterly journal of economics.* – 1914. – Vol. 29, N 1. – P. 1–47; *Veblen T.* The preconceptions of economic science // *Veblen T.* The place of science in modern civilization and other essays. – New York : B.W. Huebsch, 1919. – P. 82–179.

Эволюция

Наконец, нужно привнести немного ясности в то, какое место занимает в позитивистском контексте понятие эволюции. Будет точным сказать, что от Гоббса и до конца XVIII в. в этой великой традиции мысли преобладала тенденция мыслить в терминах статичного приспособления фиксированных элементов друг к другу. Постепенно, однако, проявилась тенденция мыслить в терминах эволюционного процесса.

Первая великая фаза эволюционизма возникла на основе радикального французского рационализма, и первое великое имя здесь, пожалуй, Кондорсе. Именно это движение мысли прямолинейнее всего применило методологию позитивной науки к субъективному аспекту действия. Пока речь шла только о роли позитивистски определенной способности разума, тенденцией было мыслить статически. Но скоро стало очевидно, что, хотя способность разума возможно и статична, нельзя сказать то же самое о ее продукте, научном знании. Напротив, последнее подчинено процессу кумулятивного роста. Следовательно, действие определяется не напрямую разумом, а косвенно, через рациональное понимание условий и применение этого знания для направления действия. Таким образом, конкретный результат будет меняться в зависимости от состояния знания.

Из этих соображений появляется теория кумулятивного социального изменения, динамическим фактором которого является прогрессивное накопление научного знания, т.е. линейная теория социальной эволюции. Отмеченные в предыдущей главе факторы, ограничивающие рациональность действия, а именно невежество и ошибки, занимают место в теории, но как характеристики ранних стадий этого процесса, прогрессивно устраняемые в его ходе. Иррациональности в любой данный момент времени – показатели незавершенности этого процесса.

Эта рационалистическая теория социальной эволюции располагается на одном полюсе позитивистской мысли. Совершенно ясно, что сами по себе случайные желания не могут дать динамического элемента. На утилитарной основе единственным возможным размыканием является фактор растущего научного знания, на этот раз средств и условий. Таким образом, в обеих теориях в

центр выносятся научное знание и его применение в технологии. Когда мысль отходит от рационалистического или утилитарного полюсов, она, оставаясь в позитивистской рамке, должна оформиться в терминах того или иного вида позитивистского антиинтеллектуализма.

В отсутствие какого-либо динамического фактора в самих конечных условиях среды он может быть обнаружен только в чем-то таком, что меняет наследственный тип, т.е. в чем-то вроде случайных вариаций в дарвинизме, где фактором, из которого вытекает определенное направление изменения, является фактор окружающих условий. Стало быть, на рационалистическом и антиинтеллектуалистском полюсах позитивистской мысли задается одно и то же фундаментальное направление процесса эволюционного изменения – лучшая адаптация к окружающим условиям. На одном полюсе эта адаптация есть прямая рациональная адаптация через применение научного знания, на другом – косвенная адаптация посредством отбора между вариациями. Но в обоих случаях этот процесс линейный и происходит путем прогрессивного накопления приближений к асимптотической цели. Главное здесь то, что это единственные возможности, открытые на строго позитивистской основе. Прежде всего, место для позитивной роли целей есть только в утилитарной форме, а она не дает основы для теории изменения. Следовательно, любое изменение в целях, не являющееся отражением других факторов, должно считаться индикатором появления в обсуждаемой мысли непозитивистских элементов¹.

Так завершается обустройство сцены для мыслительной драмы, которая будет представлена в этом исследовании. Первый удар будет нанесен в той стратегической точке, где находятся статус экономической теории и его связь с утилитарной позицией. Первым теоретиком, которого мы возьмем, будет Альфред Маршалл. С его собственной точки зрения и с точки зрения остального научного мира, он ограничивал свое теоретическое внимание экономическими проблемами. Однако в том, как он их определял и

---

¹ В главе 4 будет показана важность этого положения для истолкования значимости некоторых элементов мышления Маршалла.

как он с ними работал, будет обнаружена постановка вопросов, представляющих для нас чрезвычайный интерес.

Второй шаг в анализе будет посвящен работе Вильфредо Парето, который, хотя и был тоже экономистом, так дополнил свою экономику социологической теорией, что это сделало очевидной проблему связи этих двух дисциплин и связи обеих со всей позитивистской схемой. Наконец, за истолкованием Парето последует подробное рассмотрение мысли Эмиля Дюркгейма, который поставил те же фундаментальные проблемы несколько иначе, введя в оборот еще одну логическую возможность позитивистской традиции, социологистскую, детальным разбором которой мы отложим до того момента, когда вплотную займемся его работой. Эти три исследования завершат трактовку позитивистской социальной мысли. Это можно, как было предположено выше, считать попыткой проследить через работу этих трех авторов, что происходит, когда последствия нестабильности утилитарной позиции развертываются в направлении, противоположном тому, в котором ведет затронутая нами в нынешнем обсуждении тенденция к радикальному позитивизму.

В завершении этого исторического очерка, во избежание недоразумений, можно добавить несколько слов. Теоретические понятия, которые здесь рассматривались, можно трактовать с двух точек зрения; в этом обсуждении нас интересовала преимущественно одна из них, та, которой, в общем и целом, придерживались сами авторы этих идей. А именно – они трактовались как общие теоретические рамки для понимания человеческого поведения в обществе в целом. Будет утверждаться – и будет предпринята попытка во всех подробностях доказать, – что *в этом смысле все версии позитивистской социальной мысли конституируют несостоятельные позиции*, по причинам как эмпирическим, так и методологическим.

Это не следует, однако, понимать в том духе, что понятия, получившие разработку в связи с этими теориями, попросту неверны и, следовательно, бесполезны для нынешней или будущей социальной науки. Напротив, в целом каждая из разработанных основных категорий – подлежа, конечно, уточнению и совершенствованию, нашла постоянное место в подходе к проблемам человеческого поведения. Критика здесь направлена не против их адек-

ватности для должным образом определенных и ограниченных целей, а против их претензии на формирование основы для адекватных общих теорий общества. Было бы серьезным недоразумением полагать, что, коль скоро позитивистские социальные теории здесь строго критикуются с точки зрения ряда теоретических целей, то, следовательно, используемые в них понятия непригодны ни для каких целей вообще. Скорее будет предпринята попытка разработать очертания общей понятийной схемы, в рамках которой важные элементы валидности, заключенные в них, найдут законное место и тем самым избегнут опасности потеряться в ходе общей критической атаки на эмпирические результаты их использования в позитивистском контексте¹.

Пер. с англ. В.Г. Николаева*

---

¹ Отказ институционалистов от концептуальных инструментов ортодоксальной экономической теории – прекрасный пример этого. Хотя они часто эмпирически правы в своей критике выводов, полученных с использованием этих понятий, они тем не менее катастрофически неправы на теоретическом уровне, не видя возможности избежать этих последствий путем использования тех же инструментов в контексте иной понятийной схемы.

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru